

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

© Г. Ф. Поздерева

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 272 35 62.**Email: GFPozderova@yandex.ru*

Современный немецкий язык обнаруживает в линейной организации предложения сочетание таких контрастирующих свойств, как фиксированность и относительная свобода в расположении компонентов предложения, что позволяет отнести его к языкам смешанного топологического типа. К компонентам предложения, характеризующимся закрепленностью своей позиции, относятся, прежде всего, формы глагола – как личная, способная занимать три позиции в предложении, так и неличная – способствующая реализации рамочного принципа структурирования предложения, позволяющего выделить в нем отдельные топологические поля – предполье, срединное поле и заполье. В данной статье автор, показывая дискуссионность отдельных вопросов, связанных с топологической схемой предложения и ролью финитных глаголов в реализации структуры немецкого предложения, подробно рассматривает вторую позицию личной формы глагола и особенности заполнения предфинитной части предложения (предполья).

Ключевые слова: современный немецкий язык, синтаксис, порядок слов, позиция финитного глагола, глагольно-предикатная рамка, предполье, ограничение V2.

Как известно, каждый естественный язык располагает специфическим набором топологических моделей, правил и ограничений, которые к тому же меняются со временем, а также могут допускать, как это наблюдается в современном немецком языке, определенную степень диатопической и диастратной вариативности. Рассмотрим некоторые характерные черты линейной организации предложения в современном немецком языке.

Одной из расхожих характеристик порядка слов является его фиксированность/нефиксированность, нашедшая свое терминологическое воплощение в оппозиции понятий «свободный» vs. «жесткий» порядок слов. Многие исследователи линейной организации предложения неоднократно выражали сомнения по поводу адекватности этих характеристик, что стало уже общим местом в исследованиях по топологии. Так, например, А. В. Циммерлинг называет «свободу» и «жесткость», или «фиксированность», порядка слов метафорами, идеализацией, поскольку нет языков, «где порядок слов полностью непредсказуем, и все линейные комбинации элементов предложения были бы допустимы или оценивались носителями языка как равно уместные», как и нет «естественных языков, запрещающих все линейные перестановки (альтернации) элементов предложения», следовательно, «традиционное бинарное разбиение языков мира на класс с «фиксированным» порядком и класс со «свободным» порядком не является подлинно научным и не представляет адекватной базы для исчисления линейных порядков в синтаксисе» [1, с. 167]. Тем не менее данные понятия достаточно прочно вошли в научный оборот, на наш взгляд, их не следует абсолютизировать. Можно сказать, что они отражают особенности кодирования синтаксических структур и связаны с различением факторов, влияющих на порядок слов: за частью этих факторов признается особый статус: там, где они ограничивают постановку отдельных категорий, принято говорить о «жесткости», где позиция категорий «свободна» от их влияния, но при этом подчиняется другим факторам, действию которых в этой «табели о рангах» придается меньше значения, там и порядок слов характеризуется как «свободный». По мнению А. В. Циммерлинга, эта иерархия ограничений может иметь следующий вид: чисто формальные ограничения > смешанные ограничения > чисто коммуникативные и просодические ограничения [2, с. 69]. «Описывать законо-

мерности порядка слов сложно потому, что линейное расположение элементов предложения – это результат действия многочисленных факторов» [3, с. 28], а особенности взаимодействия и/или противодействия ограничений (факторов) разной природы составляют специфику порядка слов в каждом отдельном языке. Современный немецкий язык относится в этом плане к языкам смешанного типа, где, с одной стороны, присутствует «жесткость», проявляющаяся в закрепленности определенных позиций за определенными категориями. С другой стороны, существуют альтернации в позициях отдельных категорий, позволяющие говорить об относительной свободе этих элементов или, иначе говоря, о том, что они не связаны с кодированием формальных, или структурных, ограничений. Таким образом, в немецком языке «жесткие» правила сочетаются с так называемой свободой словорасположения. К сфере действия жестких правил относятся **позиции глагола** – в первую очередь это касается личной формы глагола, но и позиция неличных форм – причастия и инфинитива – также является релевантной для структурирования немецкого предложения. Рассмотрим эти позиции и их роль в конституировании предложения.

Значимость личной формы глагола вызвана тем, что она «концентрируется на своих синтаксических задачах, оставляя семантику предложения именным элементам» [3, с. 35]. Релевантность позиции неличных форм для линейной организации немецкого предложения определяется их участием в создании так называемой **глагольно-предикатной рамки**, которая является одной из важнейших форм реализации более широкого принципа рамочного оформления, наблюдаемого в современном немецком языке и манифестируемого разным, в зависимости от взглядов исследователей, количеством рамочных конструкций. Обратимся сначала к позиции финитного глагола.

Современный немецкий язык, как и все германские языки, за исключением английского, относится к языкам с **ограничением V2**, т.е. личная форма глагола в повествовательном предложении не может продвигаться дальше второй позиции. При этом не существует формальных ограничений на заполнение первой позиции (для ее описания будем использовать аббревиатуру XP, которая в нашей работе не совпадает с интерпретацией, которую она имеет в генеративной грамматике) какими-либо категориями, их выбор, независимо от их объема, синтаксического статуса и

отношений зависимости, чаще определяется коммуникативными факторами, ср. (курсивом выделен компонент XP, а жирным шрифтом – личная форма глагола):

(1a) *Ich will* an dieser Stelle eine Warnung aussprechen: Tut es nicht!!! [4, с. 105]

(1b) *Am Ende seiner Abhandlung, die der literatur- und stilgeschichtlichen Erschließung des vorgestellten Textmaterials diene*, merkt Stammler nochmals an: ... [5, с. 5]

(1c) *Nicht zustande gekommen wäre* diese Einführung schließlich ohne das entscheidende Wirken von Ursula Götz, für das wir uns ebenfalls herzlich bedanken möchten! [6, с. 6]

(1d) *Da es fast ein Jahrtausend, bis in die frühe Neuzeit hinein, dauert, bis das Deutsche auf allen Gebieten das Lateinische „ersetzt“*, liegt es nahe, ... [5, с. 1]

(1e) *Warum sind* Sie eigentlich mit diesem Hummer in Richtung Toilette gerannt? [4, с. 37]

(1f) [*Um zwei Millionen Mark*]; soll er versucht haben, [die Versicherung *—i* zu betrügen]¹ (taz, 04.05.2001, S. 20, цит. по [7, с. 297])

Мы привели лишь некоторые из многочисленных вариантов заполнения предфинитной позиции, например, подлежащим (1a), обстоятельством, выраженным сложной именной группой (1b), нефинитной формой глагола, являющегося частью сложного сказуемого (1c), придаточным предложением первой степени с зависимым от него придаточным второй степени (1d), а в (1e) – вопросительным словом. В последнем примере (1f) предполье занимает предложная группа с обстоятельственным значением, экстрагированная из инфинитивного оборота.

Следующая позиция немецкого глагола в личной форме – **конечная** (далее также **VL**, где L = нем. *letzt*, что означает «последний»), которая может быть проиллюстрирована следующими примерами (курсивом выделены нефинитные части глагольного сказуемого):

(2a) Das Buch kann als Grundlage für eine einsemestrigere Veranstaltung dienen, wobei je nach Präferenzen auf das eine oder andere Kapitel *verzichtet werden kann*. [6, с. 5]

(2b) Was du für einen hübschen Ring **hast!**

(2c) Wen er damit wohl **meint?**

(2d) Dass ihr mir ja ruhig **seid!**

(примеры (2b-d) цит. по [8, с. 615, 616])

Наконец еще одна позиция, которую может занимать финитный глагол в предложении, это – **инициальная (V1)**:

(3a) **Hat** Ihnen das Ambiente nicht gefallen? [4, с. 37]

(3b) „**Nimm** deine Hände weg, verdammt noch mal“, fauchte Dani-Schatz. [4, с. 19]

(3c) **Hast** du aber einen hübschen Ring! [8, с. 616]

(3d) **Unterscheidet** sich ein Beispiel in Bezug auf seine Syntax nicht und in Bezug auf die orthographischen Formen der darin vorkommenden Wörter nur wenig vom Neuhochdeutschen, wird es ohne weitere Erklärungen angeführt... [6, с. 15]

(3e) **Bleibt** die Frage, weswegen die eigentlichen Atlasdaten in Vergessenheit geraten sind. [9, с. 65]

В соответствии с означенными фиксированными позициями эти три топологических типа предложений – V2 (Verb-Zweit), VL (Verb-Letzt) и V1 (Verb-Erst) – называются также *Kernsatz*, *Spannsatz* и *Stirnsatz* соответственно. Некоторые лингвисты соотносят эти три типа позиций с модусом предложения (см., например, [10, с. 226]): V2 – повествовательное предложение

(1a-d) и местоименный вопрос (1e), V1 – побудительное предложение (3b) и общий вопрос (3a). Что касается типа VL, то он не связан с выражением модуса, а маркирует грамматическую зависимость, т.е. придаточное предложение (2a). Если мы посмотрим на примеры (2b-d) и (3c-e), то увидим, что эти предложения не соответствуют заявленным для каждого топологического типа значениям: (2b) – адмиратив, как одно из значений поля восклицательности, (2c) – местоименный вопрос, (2d) содержит побуждение (угрозу). Еще один способ выражения восхищения обнаруживает пример (3c), а в (3d) – бессоюзное придаточное условное (протазис). Проблемным представляется предложение (3e), поскольку его нельзя отнести к разряду бессоюзных придаточных: в нем за счет опущения эксплетива *es* первая позиция оказалась незанятой, создавая определенный прагматический эффект. Такие предложения с инверсией характерны для обиходно-разговорного синтаксиса, но данный пример встретился нам в научной статье. Таким образом, здесь возникает определенная методологическая проблема. С одной стороны, приведенные примеры подтверждают мнение Х. Глинца о том, что «эти три возможные позиции личной формы глагола непрочно связаны с определенными грамматическими функциями и значениями» [11, с. 74–75]. На недостаточность (ограниченность) критерия позиции глагола для таксономии предложений по их модусу указывает Х. Альтманн [12, с. 2]. С другой стороны, он же исходит при описании типов предложений из гипотезы, предусматривающей в качестве одного из семантических критериев принципиально однозначное отношение между формой и функцией, проводя при этом параллели между синтаксисом и другими уровнями языковой системы – фонологией и морфологией [12, с. 3] (в этой связи нельзя не вспомнить замечание Я. Г. Тестельца о неадекватности применения структуралистской «объяснительной[ой] модел[и], разработан[ой] на материале сегментной фонетики», к исследованию грамматики [13, с. 661]). С другой стороны, позиция глагола не является единственным и ведущим признаком определенного модуса предложения, а выступает в качестве формального критерия в целом пучке дифференциальных признаков, таких как морфологическая характеристика глагола (наклонение), интонация: присутствие/отсутствие определенного класса слов и другие признаки разных уровней, взаимодействие которых обеспечивает однозначную идентификацию модуса предложения и его иллюкутивного потенциала, ср. [12, с. 2; 8, с. 610]. Другой вопрос, в каком отношении друг к другу находятся эти три структурных типа предложения: так, в генеративной грамматике это отношения деривации, поскольку альтернативные структуры являются производными одной базовой – для немецкого языка это VL – модели. С позиций категориальной грамматики, представленной в подробном коллективном труде «Грамматика немецкого языка» под редакцией Г. Цифонун (1997), отношения деривации не постулируются, хотя в качестве исходной модели для описания порядка компонентов в срединном поле (об этом термине см. ниже) также берется топологическая схема с конечной позицией финитного глагола [14, с. 1498]. В работах так называемой традиционной грамматики вопрос о базовом порядке слов и производных моделях особо не выделялся, хотя большинство представителей этой лингвистической парадигмы (Х. Бринкман, Й. Буша, Й. Эрбен, Г. Хельбиг, Б.А. Абрамов, Н. Н. Семенов и др.) за основной порядок брали предложения со второй позицией личной формы глагола.

¹ В этом примере мы совместили авторский способ оформления с нашей маркировкой (ГП).

Каким бы ни было решение данной теоретической проблемы, нельзя не признать, что фиксированная позиция спрягаемого глагола играет значительную роль в структурировании немецкого предложения. Все отклонения от основной структуры легче понять именно с опорой на эту основную схему, ср. [14, с. 1500].

Другим важным фактором являются единицы глагольного комплекса, которые за счет дистантного расположения его частей создают такой характерный для немецкого языка способ структурирования предложения, как глагольно-предикатная рамка. За счет раздвоения «глагола-центра» в предложении появляются два центра – коммуникативный, выражаемый вспомогательным глаголом и передающий категории лица, времени и модальности, и когнитивный, передающий «все содержание глагола или наиболее важную его часть» [15, с. 296]. Благодаря такому обрамлению предложения в немецком языке различают левую, образуемую финитной формой глагола, и правую, образуемую нефинитным компонентом (о том, что может выступать в данной функции, нет единого мнения, однозначно можно сказать, что сюда относятся инфинитив и причастие, а также отделяемая приставка, отнесенительно других способов маркировать правую границу мнения расходятся) границы рамки. Соответственно те сегменты предложения, которые выделяются с помощью рамки, получили названия предполя (предрабочая зона), срединного (среднего, центрального) поля (поля предложения) – между двух границ, и заполя (зарамочная зона). Поскольку не все эти поля могут быть заполнены, то иногда возникает вопрос о том, сколько же позиций финитного глагола различают в немецком языке. Рассмотрение традиционной топологической схемы наглядно демонстрирует эту проблему:

Предполье	ЛГР	Срединное поле	ПГР
Wem	Schickt schickt ob/dass	Hans dem Peter das Buch Hans das Buch Hans dem Peter das Buch	schickt

(Нотация: ЛГР = левая граница рамки, ПГР = правая граница рамки) (цит. по [16, с. 75])

Преимущества этой схемы У. Хоберг, которая является автором раздела «Линейная структура предложения» в упомянутой выше коллективной «Грамматике немецкого языка», видит в следующем: с ее помощью можно описывать не только финитные предложения, но и инфинитивные структуры, именные группы, структуры, амбивалентные с топологической точки зрения, сложные предложения [14, с. 1503]. Недостатком же рамочной модели является невозможность вписать в нее отдельные явления, имеющие место, прежде всего, в придаточных предложениях (VL). Это, в первую очередь, касается глагольного комплекса с конструкцией *Infinitivus cum Participio*, где личная форма глагола помещается перед инфинитивными формами. Кроме того, на основании рамки представляется сложным описать расположение различных нефинитных форм глагола в глагольном комплексе как в языковом стандарте, так и в немецких диалектах.

Рассмотрим предложения с V2, для описания которых лучше всего подходит принцип топологических полей. Как мы показали выше, вторая позиция личной формы глагола означает, что позицию перед ней, называемую предпольем, может занимать только одна составляющая предложения, которая, однако, может иметь достаточно большой объем. Особенно наглядно

в этом отношении следующий пример, приводимый У. Хоберг (XP в нашей цитации, в отличие от оригинала, выделена курсивом):

(4) *Seit ich weiß, wie alles gekommen ist, vor alle, angesichts der Tatsache, daß das junge Mädchen, das mich in die Pariser Oper begleitete, dasselbe Kind gewesen ist, daß wir beide (Hanna auch) mit Rücksicht auf unsere persönlichen Umstände, ganz abgesehen von der politischen Weltlage damals, nicht hatten haben wollen, habe ich mit mehreren und verschiedenartigen Leuten darüber gesprochen, wie sie sich zur Schwangerschaftsunterbrechung stellen, (...) [14, с. 1582]*

Однако всегда ли то, что находится в предполье, можно интерпретировать как **одну** составляющую, занимающую **одну** – первую – позицию в предложении? Или же, если речь идет о предложении с V1, может ли перед финитным глаголом ставиться еще какой-либо компонент? Рассмотрим следующие примеры:

(5a) *Oder essen Sie Hummer aus Prinzip auf dem Klo?* [4, с. 37]

(5b) *Und vor jedem Überholmanöver auf einer Landstraße würde ich mir am liebsten Mut antrinken.* [4, с. 56]

(6a) *Ein Buch geschenkt hat Peter gestern seiner Mutter.* (цит. по [17, с. 274, 275])

(6b) *Seiner Mutter geschenkt hat Peter noch nie ein Buch.*

(7a) *Ein Außenseiter gewonnen hat (es) dieses Jahr noch nie.* (цит. по [17, с. 275])

(7b) **Ein Außenseiter gewonnen hat dieses Jahr noch nie das Derby.*

(8a) *Mit ruhiger Stimme seiner Tochter ein Märchen erzählen kann er.* (цит. по [18, с. 720-721])

(8b) **Seiner Tochter erzählen kann er es mit ruhiger Stimme.*

(9) *Trotz ihrer Niederlage die protestantischen Fürsten lassen sich nicht unterkriegen.* (Sendung: 3. Macht und Glaube [19, 26'00-26'05])

Приведенные примеры можно сгруппировать следующим образом: в примерах (5) на первом месте стоят сочинительные союзы; в (6) в предполье выносятся неличная форма глагола с одним из дополнений – как с прямым, так и косвенным; в (7) мы сталкиваемся вообще с особым случаем – в предполье подлежащее расположено контактно с причастием глагола, при этом, по-видимому, значение имеет состав срединного поля, поскольку этот порядок приемлем не во всех случаях; достаточно экстраемальный случай представляет собой (8), где в предполье вместе с нефинитной формой глагола выносятся вся группа предиката вместе с обстоятельством; наконец, в (9) перед подлежащим в предполье находится обстоятельство. Интересно, что (6b), в отличие от (8b), оценивается как грамматичное, с чем связано это различие, сказать сложно: возможно, что это каким-то образом коррелирует со способом выражения комплементов, ср. также (7).

Согласно «Грамматике» Дуден, «часть сказуемого, равно как и ряд членов предложения, могут быть вынесены в эмфатическую позицию» [8, с. 820]. В очень обстоятельном описании особенностей топологии предполя У. Хоберг замечает, что «не все, что стоит слева от VFIN, следует относить к предполью» [14, с. 1577]. Определение предполя, по ее мнению, не представляет особой проблемы, проблематичнее с теоретической точки зрения определение второй позиции глагола, в соответствии с которой предполью предписывается только **одна** позиция [14]. Эти проблемы обусловлены, судя по аргументации У. Хоберг, смеше-

нием уровней предложения и высказывания (малые или крупные коммуникативные единицы). Поэтому различие этих уровней, несмотря на совпадение этих двух структурных единиц, особенно значимо для предполя, поскольку начало – предфинитная область – также является тем местом, куда предпочитают помещать единицы, которые, хотя и являются элементами минимальной коммуникативной единицы, не могут быть причислены к предложению. Таким образом, У. Хоберг предлагает использовать узкое понятие предполя [14, с. 1577]. Она выделяет четыре класса единиц, которые невозможно интегрировать в предложение, но которые способны – как по отдельности, так и в комбинации друг с другом – занимать позицию слева от рамки предложения, не относясь к предполю: этот левый маргинальный сегмент высказывания получил название «левое внешнее поле» (*linkes Außenfeld*) [14]. Сюда относятся: 1) интерактивные единицы (междометия, обращения, *ответные* реплики – респонзивы) [14]; 2) средства сочинительной связи: правда, этот класс характеризуется гетерогенностью топологических свойств отдельных единиц: так, союзы *und, sondern, oder, d.h., denn* (аналог в разговорной речи: *weil*) всегда занимают позицию перед предполем, в то время как другие союзы и соединительные частицы проявляют разнообразие в позиции и могут быть даже интегрированы в структуру предложения либо присоединяться к предполю не слева, а справа, т.е. оказываются непосредственно перед финитной формой (см. [14, с. 1578, 1979]); 3) средства тематизации: предваряющий предложение элемент, актуализирующий тему, имеет в предложении в качестве коррелята анафорическое или анатекстическое местоимение (как в предполе, так и в срединном поле) [14, с. 1579], в стилистике им соответствует такая фигура речи, как пролепса; 4) парантезы, которые, однако, достаточно свободны в своей позиции, см. [14, с. 1580]. Перечисленные здесь компоненты левого внешнего поля не представлены в наших примерах. Однако потенциальная сложность предполя по-прежнему представляет проблему для решения вопроса о второй позиции глагола. Определенным аргументом в пользу того, что предложения V2 представляют собой обобщенный прототипический случай, может служить тот факт, что не любая комбинация топологических единиц возможна в предполе, так же как и не обязательно, чтобы в этой позиции топологическая единица была представлена полностью, а не частью одной XP, ср. [14, с. 1583]. В качестве примера такого расщепления XP можно привести следующее предложение (в отличие от оригинала мы курсивом выделили компоненты XP, а жирным шрифтом – Vfin):

(10) *Polizisten sind* inzwischen *zwei* am Unfallort *eingetroffen*. (цит. по [14, с. 1583])

Для того чтобы понять, каким образом мы можем интерпретировать приведенные выше примеры, посмотрим сначала, как У. Хоберг классифицирует заполнение предполя, затем обратимся также к другим вариантам интерпретации.

Итак, У. Хоберг подразделяет все случаи заполнения предполя на две большие группы. В одной оказываются структурно немаркированные варианты, их типология значительно беднее по сравнению со второй группой – структурно маркированных способов заполнения предполя. Первая группа репрезентирована комплементами, супплементами и различными видами атрибутов, хотя внутри каждой из подгрупп имеются некоторые ограничения, на которых мы здесь в силу дефицита места останавливаться не будем, см. подроб-

нее [14, с. 1583–1605]. Можно сказать одно, что все эти случаи свидетельствуют в пользу того, что находящиеся в предполе компоненты представляют собой **одну** топологическую единицу, а экстрагирование какого-либо из компонентов в случае комплексной ее реализации меняет семантику предложения.

Во второй, как мы отметили, более обширной и разнообразной группе У. Хоберг различает два класса явлений: а) в предполе располагается «вторичный» компонент, как правило, часть более крупного; б) предполе состоит из более чем одного первичного компонента; как специальный случай рассматривается «пустое» предполе [14, с. 1605]. В классе (а) оказываются эксплетивы, части расщепленных именных групп и части глагольного комплекса. Поскольку в примерах (6–8) в предполе оказываются части глагольного комплекса, то остановимся подробнее на том, как У. Хоберг характеризует этот случай заполнения предполя. Здесь различают два варианта: вынесение в предполе отделяемой приставки и, «самый известный случай ‘топикализации’» – заполнение предполя глагольными компонентами, частично вместе с их комплементами и супплементами [14, с. 1620]. По поводу последнего У. Хоберг заявляет, что условием их экстрагирования в первую позицию является то, что «для того чтобы выступать в качестве топика, они должны быть интерпретированы как **одна** единица информации» [14, с. 1625]. Отсюда выводится правило: «Комплементы в соответствии с последовательностью своего соединения могут вместе с нефинитной частью глагольного комплекса образовывать предполе» [14, с. 1626]. Также они могут выдвигаться в позицию топика как полностью (8а), так и частично (6), но при этом более вероятно, что коммуникативную единицу будет образовывать вместе с нефинитной частью глагольного комплекса тот комплемент, который характеризуется близостью к глаголу, т.е. комплемент в вин. пад., но одним из условий реализации другой комбинации – нефинитной части с комплементом в дат. пад., видимо, является манифестация прямого дополнения именной группой, а не местоимением, что приводит к неграмматичности (8б), хотя в нашем распоряжении есть и контрпример:

(11) Was hat er wohl mit den Büchern gemacht? – **Seinen Freunden geschenkt** hat er *sie* jedenfalls nicht. (цит. по [20, с. 459])

В качестве одного из условий для реализации подобных вариантов У. Хоберг называет контекст [14, с. 1628], А. фон Штехов и В. Штернефельд, отмечая фокусный характер топикализованной группы, видят две причины – на одной из ступеней деривации возможен ввод как составляющей IO+V, так и DO+V (где IO – косвенное дополнение, а DO – прямое дополнение) или же наследование отношений связывания [20, с. 459]. В любом случае, вряд ли одно из приводимых объяснений можно считать удовлетворительным.

Также проблемной является и возможность интерпретации примера (7). Одним из вариантов, или условий, здесь называются неопределенность подлежащего и отсутствие другого аргумента или, по крайней мере, его местоименная манифестация [14, с. 1631].

Случаи образования предполя нефинитными частями глагольного комплекса вместе с комплементами и супплементами активно дискутируются в рамках генеративной грамматики. Мы уже ссылались на работу А. фон Штехова и В. Штернефельда. И. Розенгрэн высказывает предположение, что именная XP, базисно генерируясь в срединном поле, образует некое единство с глаголом, как в случае с *radfahren* (< *Rad* +

fahren), но в отличие от последнего это единство не является единицей лексикона. Это приводит к «своеобразному ‘инкорпорированию’ именной вершины, в результате чего возникает предикат, состоящий из двух вершин» [17, с. 277].

Особый случай, не получивший освещения в проанализированной выше литературе, представляет собой пример (9). Хотя У. Хоберг приводит примеры сочетания именных групп в различных синтаксических функциях с обстоятельством, но все обстоятельства имеют либо локальную, либо темпоральную семантику. В нашем же примере представлено concessivное обстоятельство. Интерпретация подобных примеров, где в предполье оказываются занятыми более одной синтаксической позиции, до сих пор представляется проблематичной и вызывает интенсивную дискуссию, см. [7]. Предлагаемые решения пока нельзя признать удовлетворительными. Возможно, что здесь concessivное определение выступает в роли соединительного элемента с предыдущим контекстом, т.е. как средство организации дискурса/текста. Однако и такая интерпретация представляется нам слишком зыбкой и неудовлетворительной.

В рамках данной короткой статьи нам не удалось осветить многие вопросы, связанные с инициальной и конечной позициями финитного глагола, однако то, что удалось нам представить в этом кратком обзоре, свидетельствует о том, что рассматриваемая тема не теряет своей актуальности. Что касается второй позиции личной формы глагола, то здесь нельзя не согласиться с мнением У. Хоберг, что рассмотренные модели с фиксированной позицией финитного глагола представляют собой генерализации, которые отражают прототипические свойства структуры немецкого предложения. Выявленные проблемы приобретают значение именно на фоне этих структур и являются частными случаями их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циммерлинг А. В. Порядок слов в славянских, германских и романских языках // Славяно-германские исследования. Т. 3. От имени к фактам. СПб: Алетейя, 2008. С. 165–239.
2. Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
3. Zeman J. Zur Darstellung der Wortfolge in der Grammatik // Brüner Beiträge zur Germanistik und Nordistik. Brno, 1986. Bd. V. S. 27–36.
4. Kürthy Ildikó, von. Mondscheintarif. Hamburg: Rowohlt, 1999. 97 S.
5. Betten A. Grundzüge der Prosasyntax: stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. 119 S.
6. Fleischer J./Schallert O. Historische Syntax des Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr Verlag, 2011. S.
7. Müller S. Zur Analyse der scheinbar mehrfachen Vorfelddbesetzung. // Linguistische Berichte. 2005. H. 203. S. 29–330.
8. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6., neu bearb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. Bd. 4. 912 S.
9. Lameli A. Sprachkontakt in Norddeutschland. Ein Fundstück aus der Geschichte der Sprachkartographie // Niederdeutsches Jahrbuch 2008. H. 132. S. 51–69.
10. Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Просвещение, 1983. 240 с.
11. Glinz H. Grammatiken im Vergleich: Deutsch – Französisch – Englisch – Latein; Formen – Bedeutungen – Verstehen. Tübingen: Niemeyer, 1994. 962 S.
12. Altmann H. Formen der „Herausstellung“ im Deutschen: Rechtsversetzung, Linksversetzung, Freies Thema und verwandte Konstruktionen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 384 S.
13. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.
14. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. u.a. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: De Gruyter, 1997. 2569 S.
15. Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: ОГИ, 2009. 400 с.
16. Sabel J. Das Verbstellungsproblem im Deutschen: Synchronie und Diachronie // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 2000. Nr. 1. S. 74–99.
17. Rosengren I. Wahlfreiheit mit Konsequenzen – Scrambling, Topikalisierung und FHG im Dienste der Informationsstrukturierung // Wortstellung und Informationsstruktur. Hrsg. M. Reis. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 251–312.
18. Heidolph K. E. et al. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. 1028 S.
19. Geliebte Feinde: Sendung 3. Macht und Glaube (ZDFinfo vom 28.12.2013, Sequenz 26'00-26'05).
20. Stechow A. von, Sternefeld W. Bausteine syntaktischen Wissens. Ein Lehrbuch der generativen Grammatik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. 496 S.

Поступила в редакцию 18.08.2015 г.

SOME FEATURES OF TOPOLOGY IN GERMAN SENTENCE

© G. F. Pozderova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 228 07 84.

Email: gfpozderova@yandex.ru

In a linear organization of contemporary German language sentence, there is a combination of contrasting properties, such as fixing and relative freedom in the position of the components that can be attributed to its topological type of mixed languages. Usually, the components of sentence characterized by their fixed positions are different forms of the verb, finite that are able to occupy three positions in the sentence and non-finite contributing to the implementation of the framework of the principle of structuring sentences; this allows researcher to allocate topological fields of a sentence – prefield (Vorfeld), middle field (Mittelfeld) and postfield (Nachfeld). In this article the author demonstrates controversial nature of certain issues related to the topological scheme sentence and the role of finite verbs in the implementation of the structure of the German sentences, examines in detail the second position of finite verb and features of filling of fronting part of the sentence (Prefield).

Keywords: *contemporary German language, syntax, word order, position of the finite verb, verb-predicate frame, Prefield (Vorfeld), verb second restriction.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Tsimmerling A. V. Slavyano-germanskie issledovaniya. Vol. 3. Ot imeni k faktam. Saint Petersburg: Aleteiya, 2008. Pp. 165–239.
2. Tsimmerling A. V. Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov [Typological syntax of Scandinavian languages]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002.
3. Zeman J. Brüner Beiträge zur Germanistik und Nordistik. Brno, 1986. Bd. V. Pp. 27–36.
4. Kürthy Ildikó, von. Mondscheintarif. Hamburg: Rowohlt, 1999. 97 S.
5. Betten A. Grundzüge der Prosasyntax: stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. 119 S.
6. Fleischer J./Schallert O. Historische Syntax des Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr Verlag, 2011. S.
7. Müller S. Linguistische Berichte. 2005. H. 203. Pp. 29–330.
8. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6., neu bearb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. Bd. 4. 912 S.
9. Lameli A. Niederdeutsches Jahrbuch 2008. H. 132. Pp. 51–69.
10. Zelenetskii A. L., Monakhov P. F. Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of German and Russian languages]. Moscow: Prosveshchenie, 1983.
11. Glinz H. Grammatiken im Vergleich: Deutsch – Französisch – Englisch – Latein; Formen – Bedeutungen – Verstehen. Tübingen: Niemeyer, 1994. 962 S.
12. Altmann H. Formen der „Herausstellung“ im Deutschen: Rechtsversetzung, Linksversetzung, Freies Thema und verwandte Konstruktionen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 384 S.
13. Testeleys Ya. G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow: RGGU, 2001.
14. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. u.a. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: De Gruyter, 1997. 2569 S.
15. Revzin I. I. Struktura nemetskogo yazyka [Structure of German language]. Moscow: OGI, 2009.
16. Sabel J. Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 2000. Nr. 1. Pp. 74–99.
17. Rosengren I. Wortstellung und Informationsstruktur. Hrsg. M. Reis. Tübingen: Niemeyer, 1993. Pp. 251–312.
18. Heidolph K. E. et al. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. 1028 S.
19. Geliebte Feinde: Sendung 3. Macht und Glaube (ZDFinfo vom 28.12.2013, Sequenz 26'00-26'05).
20. Stechow A. von, Sternefeld W. Bausteine syntaktischen Wissens. Ein Lehrbuch der generativen Grammatik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. 496 S.

Received 18.08.2015.